

А. Н. Куклин (*Йошкар-Ола*)

**Лингвистические основы методов и система научных приемов
анализа реликтовых гидролексем**

Интерес к географическим названиям, в том числе и апеллятивным лексемам, участвующим в номинации физико-географических объектов, в последние годы заметно возрос. Вместе с тем именно в ономастике продолжает множиться и число беспочвенных гипотез о происхождении того или иного названия, сводящих этимологическую интерпретацию лишь к вероятиям или же к субъективным домыслам. Столь частые в исследовательской практике случаи неудовлетворительной трактовки смыслового содержания анализируемой тополексемы обязаны скорее уже субъективному фактору – неумению исследователя обособить гетерогенные омонимы в цепочке сопоставляемых слов. Между тем, интерпре-

тация географического названия на основе лишь внешних звуковых соответствий с данными какого-то определенного языка, не имеющего, быть может, никакого отношения к его возникновению, всегда оставалась далекой от реальной действительности, т. е. искусственной, а поэтому малоубедительной. Все это еще раз говорит о том, что анализ даже частных фрагментов, таящихся в семантической плоскости и морфологической структуре географического названия, должен учитывать исторические и регионально-этнические обстоятельства, а также результаты влияния языка-субстрата.

Недостаточная обоснованность анализируемого материала археологическими, этнологическими, антропологическими, историческими и естественноведческими данными в конечном счете приводит исследователя к выводам, которые также недостаточно обоснованы или же совершенно неверны.

В этой связи следует указать на наиболее типичные недостатки в применении лингвистических методов для анализа ономастического материала и апеллятивной лексики.

1. Часто смысловое содержание топонима объясняется неверно вследствие того, что исследователем вводятся в научный обиход лексические данные какого-то диалекта, не имеющего никакого отношения к этому названию. Причем изогlossы на лингвистической карте им не устанавливаются, не учитываются и опубликованные материалы, содержащие сведения о географических особенностях данной местности.

Так, марийский лингвист И. Г. Иванов в ойкониме *Торъял* усматривает элемент *тор-*, интерпретируя его смысловое содержание как 'черный, хвойный лес'. Исходя из этого, он обобщает, что *Торъял* – 'деревня у чернолесья' [Иванов 1978: 14–15].

Лексема *тор* отнесена им к разряду не бесследно исчезнувших слов марийского языка, поскольку она фигурирует в композите *эныжтор* 'малинник' северо-западного наречия, встречается в фольклорных текстах этого же наречия: – *Мёрänkь, мёрänkь, ма йалет магыр?* – *Изи торыштет, кугу торыштет кудалыштам и магырген.* – 'Заяц, заяц, что у тебя лапки кривые? – Бегал по лесам малым, по лесам большим, вот и искривились' [Иванов 1978: 15].

Слово *тор* переведено И. Г. Ивановым как 'лес'. Однако в первоисточнике оно бытует со значением 'куст': *Бегаю по мелким кустам, по большим кустам, вот и искривились* [Иванов, Тужаров 1971: 202].

На самом деле слово *тор* имеет значение 'чащоба, густая заросль'. Об этом же свидетельствует смысловое содержание лексемы *эныжтор* – 'густая заросль малины'.

В атрибутивных словосочетаниях *изи тор* ‘небольшая чаща (заросль)’, *кугу тор* ‘большая чаща (густая заросль)’ лексема *тор* стоит после зависимого компонента, а в сложном слове *эныжстор* она является постпозитивным компонентом композиты. Как явствуют примеры с неизменяемым порядком слов, ойконимы-композиты с препозитивным элементом *тор* не образуются.

Что касается лингвистических явлений, характерных северо-западному наречию, то в зоне распространения сернурского подговора лугового наречия марийского языка (в частности в речи торъяльских мари) они не обнаружены. Стало быть, о сохранении реликта лексического характера в ойкониме-композите *Торъял* не может быть и речи. Поэтому попытку И. Г. Иванова истолковать ойконим из диалектного слова *тор*, приписывая ему совершенно чуждое значение, нельзя считать приемлемой. Такое объяснение не имеет ничего общего с действительным происхождением названия селения.

О. П. Воронцова и И. С. Галкин, нисколько не подозревая ошибочности рассмотренной гипотезы, пишут следующее: “Прав И. Г. Иванов, что слово *тор* означает “чернолесье”, *Торъял* – это “Деревня у чернолесья” [ТрМЭ 2002: 327].

Подобные утверждения явно игнорируют физико-географические особенности местности и совершенно не согласуются с лингвистическими данными родственных финно-угорских языков. Так, М. Н. Янтемир, описывая Торъяльский кантон Маробласти, отмечает, что притоками Немды слева являются: Пукшалма, Тунья и Конга (на ней деревня Конганур), Шара (Шаранерка), Она, Нурма, Тор (подчеркнуто нами. – А. К.) (на ней село Старый Торъял), Шукшан, Чуча, Толман и Вочка [Янтемир 1929: 8]. Поэтому нетрудно убедиться, что ойконим является отгидронимным. Об этом же свидетельствуют названия других селений Торъяльского кантона, приведенные М. Н. Янтемиром в указанной работе: д. *Верхний Торъял*, *Кугу Торъял*, *Малый Торъял* [Янтемир 1929: 74].

Их значения толкуются следующим образом: *Верхний Торъял* – ‘Верхняя деревня по реке Тор’; *Кугу Торъял* – ‘Большая деревня по реке Тор’; *Малый Торъял* – ‘Малая деревня по реке Тор’.

Гидролексема *тор* относится к числу ареально-лингвистических изоглосс в области топонимии, ибо она, кроме территории Республики Марий Эл, бытует в других регионах России. Ср., например, *Тор* – р., прав. пр. Нугуша в Мелеузовском, Ишимбайском районах Башкортостана [СТБА 1980: 144; Гареев 2001: 233]; речка *Тора* (Фоминская казенная волость Галичского уезда Костромской губернии) [СНМКГ 1907: 102]. В этом случае модель морфологической адаптации выглядит следующим образом: гидролексема *тор* + родовая флексия *а*.

Речное название *Тор* встречается также в родословных башкир (*шежсере*) [Халикова, Шакиров 1980: 68].

О. П. Воронцова и И. С. Галкин гидроним *Тор*, ссылаясь на указанную работу И. Г. Иванова, этимологически связывают с апеллятивом *тор* ‘чернолесье’, определяя его как отфитонимное [ТРМЭ 2002: 323–324].

Если в номинации реки участвует название леса, то гидроним, как правило, характеризуется как отдримонимный. Из дримонимов в образовании речных названий лишь изредка участвует апеллятив *кожла* ‘ельник; лес’ вместе с гидролексемой *энер* ‘река, речка’, например: *Кожланангёр* (офиц. *Кожланангер*): *кожла* ‘лес + *ангёр* ‘река, речка’ ‘лесная речка’. *Кожлангер*: *кож* ‘ель’ + *-ла* (суфф.) + *-ан* (суфф.) ‘с ельником + *гер* < *энгер* ‘река, речка’ – ‘речка с ельником или речка, протекающая по ельнику’. Ср. также: *Козляна* – приток р. Рутки, *Козлянур* – приток р. Рутки.

Однако аналогичные по структуре образования с дримонимами *чодыра* ‘лес’, *шүргө* ‘лиственный лес’, *ото* ‘роща’ в гидронимиконе Марий Эл не значатся.

В числе отдримонимных композитных образований нет также апеллятива *вуд* ‘вода, речка’.

Названия леса активно участвуют в номинации населенных пунктов. Ср., например, ойконимы: *Изи Шүргө* (офиц. *Изи Шурга*), где *шүргө* – ‘лиственный лес’, ‘Малая лесная деревня’; *Шүргыял* (офиц. *Шургуял*) – ‘Лесная деревня’; *Покшел Шүргыймал* (офиц. *Средний Шургуял*) – ‘Среднее Подлесье’ (букв. ‘Средняя деревня под лесом’); *Чодыраял* (офиц. *Чодраял*), где *чодыра* – ‘лес’, ‘Лесная деревня’; *Чодырасола* (офиц. *Чодрасола*) – ‘Лесное селение’; *Марий Чодыраял* (офиц. *Мари-Чодраял*) – ‘Марийская лесная деревня’; *Отымбал*, где *ото* – ‘роща’, ‘За рощей’; *Рошня кутыр* (офиц. *Рошня*) – ‘Хутор при роще’ [Куклин 1998: 95, 110–111, 113–114].

Фитоним в ономастике – собственное имя любого растения, а не леса. Гидронимы, образованные по модели: **фитоним** (название дерева или кустарника) + **река, речка**, относятся к числу продуктивных типов топонимов Республики Марий Эл, ср. например *Ломбенер* (*ломбо* ‘черемуха, черемуховая’ + *енер* < *энер* ‘река, речка’) – ‘Черемуховая речка’; *Ошканер* (*ошко* ‘осоколь, осокоревая’ + *нер* < *энер* ‘река, речка’) – ‘Осокоревая речка’; *Пинжинерь* (*пүн’чө* ‘сосна, сосновая’ + *инерь* < *энер* ‘река, речка’) – ‘Сосновая речка’; *Пиштенгер* (*пиште* ‘липа, липовая’ + *енгер* < *энер* ‘река, речка’) – ‘Липовая река’ или ‘река, протекающая по липняку’; *Пиштан* (речка, на берегах которой имеются липы) – приток р. Рутки; *Пиштань* – приток р. Юронги; *Пиштанка* – приток р. Ур-

жумки; *Шоленер* (*шоло* 'вяз, вязовая' + *енер* < *энер* 'река, речка') – 'Вязовая речка'; *Шоптыренер* (*шоптыр* 'смородина, смородиновая' + *енер* < *энер* 'река, речка') – 'Смородиновая речка'.

Иногда происходит трансонимизация, когда фитоним переходит в гидроним, ср., например: рч. *Люпер* – приток р. М. Кокшаги – 'Ольшняк'; *Люпер* < *лүйпö* 'ольха' + суфф. *-эр* (орфогр. *-ер*), образует сущ., обозначающее совокупность однородных деревьев; *Пызле* ('Рябина, рябиновая') – рч., впадающая в озеро Сүзаер (Глухое), находящегося в нескольких верстах от с. Алексеевское (Волжск. р-н), в лесу [Янтемир 1926: 11].

Как явствует из вышеизложенного, удовлетворительного объяснения названия *Тор* нет. Вызвано это игнорированием ареальных и изоглоссных явлений уральских языков, оперированием лишь внешними звукосоответствиями гетерогенных слов и соблазном выдавать желаемые звуковые явления за действительные.

Между тем, судя по семантике, лексема *тор* более совместима с коми-зырянским *шор* 'ручей, ручеек, поток (после дождя, после обильного снеготаяния)', а в фонетическом отношении – с мансийским *тöр* 'озеро'. Поэтому имеются все основания говорить об их гомогенных связях, поскольку они восходят к одной и той же исходной форме.

В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев, учитывая венгерское *ér* 'ручей', более древний их облик реконструируют в виде **šerz-* или **šärz-* [КЭСК 1970: 322]. Все это свидетельствует о том, что анлаутный смычный *t* в гидролексема *тор* является позднейшей инновацией, возникшей, очевидно, из первичного спиранта **š* на мансийской языковой почве.

По свидетельству Б. А. Серебренникова, в мансийском языке в *t* превращалось также *s*, возникшее из древнего уральского *š*, например: коми-зыр. *šor* 'ручей', удм. *šur* 'река', венг. *ár* 'поток', манс. *tör* (< *sör*) 'озеро', хант. *tor*, *pår* 'озеро, заливной луг' [Серебренников 1965: 281; 1968: 296–301].

Э. М. Мурзаев отмечает в этой связи, что термин *то*, *тор* 'озеро' обычен в составе географических названий на севере Европейской части России, в Сибири и в Поволжье. В первой форме он встречается в коми, ненецком, удмуртском языках, во второй – у ханты и манси. Руководствуясь при этом выводами Б. А. Серебренникова, он констатирует, что ханты-мансийское *тор* связано с *шор* – 'ручей' в языке коми, удмуртском *шур* – 'река'. Вместе с тем, исходя из реальности лингвистических ландшафтов, Э. М. Мурзаев приходит к не менее существенному выводу, дополняющему отмеченное выше наблюдение Б. А. Серебренникова о том, что географическая терминология финно-угорских и самодийских языков близка [Мурзаев 1974: 111–113].

Э. С. Шайхетдинов, говоря о термине *то, тор* 'озеро', почти полностью приводит слова Э. М. Мурзаева, но при этом ссылки на его работу не делает [Шайхетдинов 1981: 76].

Гидролексема *тор* в диалектах обско-угорских языков имеет и другие значения. Так, в иртышском диалекте хантыйского языка *tōr* бытует со значением 'низменная местность, луг, болото' [Чайко 1976: 123]. В русских говорах по реке Тавде Г. В. Глинских засвидетельствовала мансийское речное название *Волентор* – 'Плесовое озеро' (*вол* 'плес', *-эн ~ -ин* – суфф. имен обладания, *-тор ~ тур* 'озеро'). Согласно мнению Г. В. Глинских, "название речки – результат метонимического переноса; первичным следует признать наименование озера" [Глинских 1978: 118].

Этот факт лишний раз свидетельствует о том, что различные импульсы и движущие силы механизма номинации еще в деталях не изучены, и поэтому их лексикографическая разработка представляет определенный интерес для теории топониматики. Выяснение вопросов совпадения или расхождения значений сопоставляемого слова, этимологически восходящего к лексическим данным языка-основы, в первую очередь зависит от решения таких узловых моментов, как изыскания в области типологии слова субстратного происхождения, и наблюдения над динамикой в типологических параметрах лексемы в обско-угорских языках и их диалектах в разные диахронические срезы их функционирования.

Изложенная этимология позволяет достаточно определенно судить о том, что *тор* 'река' является субстратной гидролексемой, претерпевшей значительную трансформацию на адстратно-суперстратной почве. Как известно, на протяжении всей своей истории человек создавал новые слова и, обращаясь к своему опыту общения с природой, расширял их семантический объем на основе переносных названий.

Из всего сказанного следует, что *Торъял* 'Деревня по реке Тор'. Ойконимы, образованные по модели: гидроним + тип поселения, относятся к числу продуктивных типов топонимизации Республики Марий Эл. Ср., напр.: *Изи Руясола* (Советск. р-н) – 'Малая деревня по р. Руяз'; *Лажъял* (Сернурск. р-н) – 'Деревня по р. Лаж'; *Нужъял* (Медведевск. р-н) – 'Деревня по р. Нужа'; *Мушкыял* (Сернурск. р-н) – 'Деревня по р. Мушка'; *Пётъял* (офиц. Петъял) (Волжск. р-н) – 'Деревня по р. Пёт'; *Шокшемсола* (Сернурск. р-н) – 'Селение или деревня по р. Шокшем'; *Шуарсола* (Советск. р-н) – 'Селение или деревня по р. Шуар'; *Шудысола* (офиц. *Шудасола*) (Советск. р-н) – 'Деревня по р. Шуда'; *Шӱндӱрийӱл* (офиц. *Шиндырьял*) (Горномарийск. р-н) – 'Деревня по р. Шӱндӱр (Сундырь)'.

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшие перспективы диахронических исследований будут, вероятно, зависеть от того, насколько последовательно в них будут реализоваться принципы систем-

ности и историзма в подходе к ономастическому материалу. Остается заметить в этой связи, что семантическая реконструкция реликтовой гиролексемы, сопровождаемая экстралингвистическими (археологическими, антропологическими, этнологическими, историческими) данными, учитывающая природно-географические особенности и культурно-исторический фон функционирования реконструируемой лексемы, оперирующая соответствиями и параллелями родственных и неродственных контактирующих языков, значительно уменьшает число беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение топониматики.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

венг. – венгерский язык; *коми-зыр.* – коми-зырянский язык; *манс.* – мансийский язык; *удм.* – удмуртский язык; *хант.* – хантыйский язык.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гареев А. М.* Реки и озера Башкортостана. Уфа, 2001.
- Глинских Г. В.* Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде // *Этимология русских диалектных слов.* Свердловск, 1978. С. 109–179.
- Иванов И. Г.* Топонимические этюды (о названиях некоторых райцентров Марийской АССР) // *Вопросы марийской ономастики.* Вып. 1. Йошкар-Ола, 1978. С. 12–19.
- Куклин А. Н.* Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). Монография. Йошкар-Ола, 1998.
- КЭСК 1970 – Лыткин В. И. Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.
- Мурзаев Э. М.* Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974.
- Серебренников Б. А.* О двух конвергентных фонетических явлениях в самодийских и обско-угорских языках // *СФУ.* 1965. № 4 (I). С. 281–284.
- Серебренников Б. А.* Об уральской лексике восточного ареала // *Этимология* 1966. М.: Наука, 1968. С. 296–301.
- СНМКГ – Списокъ населенныхъ мѣсть Костромской губерніи (По свѣдѣніямъ 1907 года) Галичскій уѣздъ.* Кострома, 1907. С. 75–103.
- Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971.
- СТБА – Словарь топонимов Башкирской АССР.* Башкорт АССР-ының топонимдәр һүзлеге. – Уфа, 1980.
- ТРМЭ – Воронцова О. П., Галкин И. С.* Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002.
- Халикова Р. Х., Шакиров Р. З.* Топонимы в летописных и актовых памятниках башкир XVIII–XIX вв. // *Вопросы ономастики.* Вып. 14: Собственные имена в системе языка. – Свердловск, 1980. С. 63–70.
- Чайко Т. Н.* Заимствованные географические термины в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша // *Вопросы ономастики.* Вып. 11: Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск. С. 117–128.

Шайхетдинов З. С. О топонимии бассейна рек Караидель–Ай // Вопросы башкирской топонимики. Уфа, 1981. С. 75–77.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Звениговский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 3. Краснококшайск, 1926.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Торъяльский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 8. Йошкар-Ола, 1929 (на обложке: 1930).